

Оглавление

Введение	11
Глава 1 Предыстория событий 1917 года	17
Глава 2 Февраль: слезы радости	76
Глава 3 Март: «постольку-поскольку...»	121
Глава 4 Апрель: блудный сын	190
Глава 5 Май: вынужденное сотрудничество	223
Глава 6 Июнь: начало краха	248
Глава 7 Июль: жаркие дни	285
Глава 8 Август: подполье и заговор	332
Глава 9 Сентябрь: компромисс и недовольство	389
Глава 10 Красный Октябрь	418
Эпилог. После Октября	490
Список имен	515
Дополнительная литература	525
Благодарности	535
Предметно-именной указатель	537

.....

.....

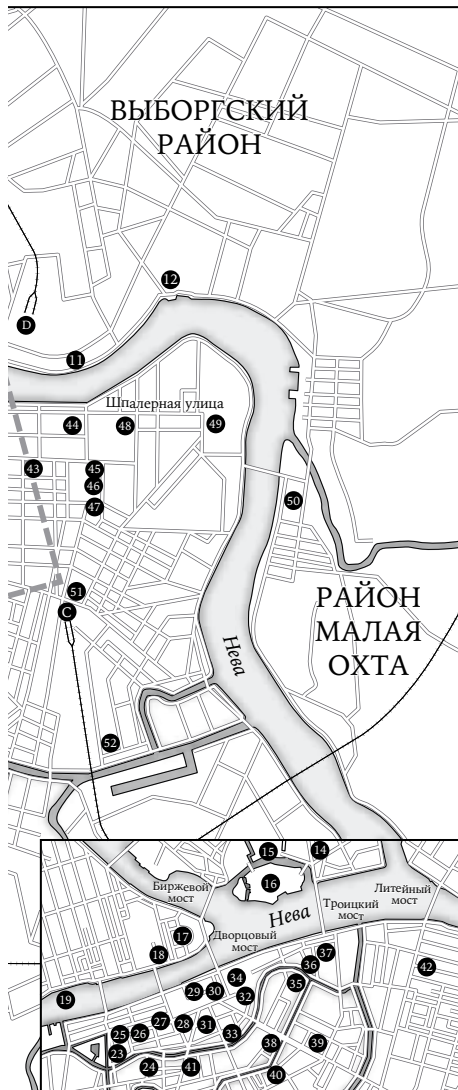
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Что делать?

ПЕТРОГРАД, 1917 г.

ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН

РАЙОН МАЛАЯ ОХТА

1. Завод «Русский Рено»
2. Завод «Новый Леснер»
3. Лейб-гвардии Московский пехотный полк
4. Место проведения VI съезда РСДРП(б)
5. Завод «Эриксон»
6. 1-й пулеметный полк
7. Лейб-гвардии Гренадерский полк
8. Штаб большевиков, Выборгский район
9. Типография «Труд»
10. Михайловская военная артиллерийская академия
11. Тюрьма «Кресты»
12. Завод «Металлист»
13. Цирк «Модерн»
14. Особняк Кшесинской
15. Арсенал, кронверк Петропавловской крепости
16. Петропавловская крепость
17. Биржа
18. Санкт-Петербургский университет
19. Крейсер «Аврора»
20. Лейб-гвардии Финляндский полк
21. 180-й пехотный Виндавский полк
22. Франко-русский судостроительный завод
23. 2-й морской полк Балтийской дивизии
24. Кексольмский пехотный полк
25. Центральный телеграф
26. Петроградское телеграфное агентство
27. Почтамт
28. Военное министерство
29. Адмиралтейство
30. Дворцовая площадь
31. Исаакиевский собор
32. Генеральный штаб
33. Петроградская телефонная станция
34. Зимний дворец
35. Редакция и типография газеты «Правда»
36. Лейб-гвардии Павловский полк
37. Марсово поле
38. Казанский собор
39. Городская дума
40. Государственный банк
41. Марининский дворец
42. Издательство «Прибой»
43. Лейб-гвардии Литовский полк
44. 14-й Донской казачий полк
45. Лейб-гвардии Преображенский полк
46. 6-й запасный саперный батальон
47. Лейб-гвардии Волынский полк
48. Таврический дворец
49. Смольный
50. 1-й запасный пехотный полк
51. Знаменская площадь
52. 1-й и 4-й Донские казачьи полки
53. Лейб-гвардии Семеновский полк
54. Петроградская электростанция
55. Лейб-гвардии Егерский полк
56. Лейб-гвардии Петроградский полк
57. Лейб-гвардии Измайловский полк
58. Морской канал
59. Путиловский завод
- A. Балтийский вокзал
- B. Варшавский вокзал
- C. Николаевский вокзал
- D. Финляндский вокзал

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ РОССИИ, 1917 г.

Введение

В разгар Первой мировой войны, когда растерзанная Европа истекала кровью, одно из американских издательств выпустило получившую широкую известность книгу Александра Корнилова «Современная российская история». Корнилов, либеральный ученый и общественный деятель, завершил свой труд в 1890 году, но специально для этого издания на английском языке, увидевшего свет в 1917 году, его переводчик, Александр Каун, актуализировал текст. Завершающий абзац книги в переводе Кауна начинается с грозного предостережения: «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что существующий порядок вещей обречен на исчезновение».

И этот порядок действительно исчез — как и было предсказано. В этот бурный и не похожий ни на какие другие год Россия была потрясена и сокрушена даже не одним, а сразу двумя восстаниями, двумя хаотичными освободительными переворотами, дважды прошла через преобразование. Первый переворот, в феврале, покончил с почти полутысячелетним самодержавным режимом. Второй, в октябре, имел гораздо более продолжительные последствия, противоречивые, крайне трагические и столь же вдохновляющие.

Месяцы с февраля по октябрь 1917 года были наполнены непрерывными столкновениями в борьбе за власть, история ускоряла свое движение. До сих пор не стихают споры, что же произошло тогда и как оценивать случившееся. Любая борьба за свободу уже давно рассматривается через призму Февральской и особенно Октябрьской революций.

Создавая произведение на историческую тему, принято ритуально отречься от мнимой «объективности», от отсутствия личной заинтересованности. Никто из авторов либо не стремится, либо не способен быть объективным и незаинтересованным. Я следую этой традиции. И я обязан честно предупредить: не будучи, надеюсь, догматиком и некритически мыслящим человеком, я открыто придерживаюсь своей позиции. В последующем изложении для меня есть злодеи и герои. Не пытаюсь выглядеть беспристрастным, я стремлюсь быть честным — и рассчитываю, что мой рассказ окажется полезным для читателей с различными политическими симпатиями.

Существует много работ о русской революции, и многие из них прекрасны. Хотя моя книга основана на документальных материалах (в ней нет ни одного события или произнесенного слова, которые не были бы отражены в источниках), она не претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей или строго научной. Скорее это краткое введение в тему для тех, кто интересуется увлекательными историческими сюжетами, кто жаждет оказаться во власти ритмов революции. Это

в точном смысле слова повествование об истории, как я хотел бы изложить ее. 1917 год — это эпос, переплетение рискованных приключений, надежд, предательств, невероятных совпадений, войн и интриг. Он соткан из мужества, трусости и глупости, из фарса, безрассудства и человеческих трагедий, из непомерных амбиций и эпохальных перемен, из ослепительного света, стали и теней, из дорог и поездов.

Кажется, в самой «русскости» России есть нечто одурманивающее. Вновь и вновь споры об истории страны (особенно между теми, кто не является русским по национальности, но иногда и между самими русскими) сворачивают к романтизированному эссенциализму, взыванию к несводимой ни к чему и неизъяснимой Русской Душе с непроницаемым «черным ящиком» в ее глубинах. Не просто уникально печальная, но и уникально непостижимая, ускользающая от любых объяснений многострадальная Россия, бедная Русь-матушка. Как пишет Вирджиния Вулф в своем фантастическом романе «Орландо», здесь «закаты медлят... не ошарашивает вас своей внезапностью рассвет, и фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы ее лучше закруглить»*.

Это не дело. В том, что в истории России есть особенности, вряд ли можно усомниться; то, что этими особенностями (хотя далеко не только ими) можно

* Пер. Е. Суриц.

объяснить русскую революцию, тоже верно. Отдавая должное этим особенностям, нельзя терять из виду главного: всемирно-исторических причин и ветвящихся последствий переворота, произошедшего в России.

Поэт Осип Мандельштам в стихотворении, известном под разными названиями, посвященном первой годовщине событий 1917 года, говорит о «сумерках свободы». Слово «сумерки», использованное поэтом, обычно означает предвестие ночи, но может значить и близость рассвета. В этой связи переводчик Борис Дралюк задавался вопросом: что Мандельштам предлагает восславить — «угасающий свет свободы или ее первый слабый проблеск»?

Пожалуй, мерцание на горизонте — это не медлящий закат и не ошарашивающий своей внезапностью рассвет, но делящаяся, сущностная неопределенность. Нам всем знакомо такое сумеречное состояние, и мы еще будем погружаться в него. Такой странный и непонятный свет бывает не только в России.

Да, это русская революция, но она имела и имеет отношение не только к России. Она может быть нашей. И коль скоро ее фразы остаются незавершенными, от нас зависит, как лучше их договорить.

Замечание о датах

Для исследователя русской революции в буквальном смысле «порвалась дней связующая нить»*. До 1918 года в России использовался юлианский календарь, который отставал на 13 дней от современного григорианского. Поскольку действующие лица этой книги использовали именно юлианский календарь, пользуюсь им и я. В некоторых работах можно прочесть, что Зимний дворец был взят 7–8 ноября 1917 года. Однако те, кто его брал, делали это 25–26 октября по своему календарю, и именно слово «Октябрь» перестало быть просто названием месяца, превратившись в призыв. Поэтому, что бы ни утверждал григорианский календарь, эта книга — об Октябре.

* Пер. Б. Пастернака.

Предыстория событий 1917 года

Человек стоит на продуваемом ветром острове, глядя в небо. Он плотно сложен, силен и чрезвычайно высок, порывы майского ветра треплут на нем добротную одежду. Он не обращает внимания на плеск Невы, на кустарник и зелень прибрежной топи. На плече висит ружье, Человек с восторгом всматривается вдаль. Над ним парит огромный орел.

Петр Великий, всесильный правитель России, долгое время зачарованно наблюдает за орлом.

Наконец он резко поворачивается и вонзает во влажную землю штык. Проводит клинком сквозь грязь и корни, вырезая сначала одну, а затем вторую длинную полосу дерна. Он отрывает их от земли и перетаскивает, пачкаясь в грязи, на то место, над которым парит орел. Там он выкладывает из полос дерна крест и кричит во все горло: «Здесь будет город заложен!» Так в 1703 году на Заячьем острове неподалеку от Финского залива, на земле, отвоеванной у Шведской империи в великой Северной войне, царь повелевает построить большой город, названный в честь его святого покровителя Санкт-Петербургом.

И такого никогда не было. Петр там отсутствовал.

Эта история — стойкий миф о том, что Федор Достоевский назвал «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Хотя Петр и не присутствовал на месте основания Санкт-Петербурга в день закладки, городу предстояло быть построенным в соответствии с царской мечтой. Вопреки логике и здравому смыслу — на кишашем комарами берегу невского эстуария, подверженном наводнениям, весь год продуваемом штормовыми ветрами, а зимой сковываемом жестокими морозами.

Сначала царь руководит строительством Петропавловской крепости, которая полностью займет небольшой остров и будет готова отразить ответное нападение шведов, так никогда и не состоявшееся. Затем Петр распоряжается построить у стен крепости в соответствии с новейшими проектами большой порт. Тот станет его «окном в Европу».

Петр — визионер, и весьма жесткого толка. Модернизатор, он презирает ханжеское восхищение «славянской замшелостью» России. Древняя Москва — живописный хаотичный клубок улиц в псевдовизантийском стиле. Петр указывает, что новый город должен быть построен по рациональному проекту, с прямыми прешпектами, с изящными закруглениями грандиозного масштаба, широкими горизонтами, каналами, пересекающими проспекты города, с многочисленными величественными палладианскими дворцами, зданиями в сдержанном барочном стиле — это был решительный отход от традиций

и архитектуры куполов-луковок. По этому новому образу и подобию Петр Первый намерен перестроить всю Россию.

Он нанимает иностранных архитекторов, настаивает, чтобы строили из камня, велит внедрить европейские моды в одежде. Он в приказном порядке заселяет свой город, распорядившись о переезде купцов и дворян в зарождавшуюся метрополию. Первые годы по недостроенным улицам Санкт-Петербурга по ночам рыщут волки.

Тяжкий принудительный труд прокладывает улицы, осушает болота, возводит колоннады на бывшей трясине. Десятки тысяч крепостных и каторжников согнаны под конвоем на земли, определенные Петром к застройке. Они закладывают фундаменты зданий в непролазной грязи и умирают в огромных количествах. Под поверхностью города остались лежать 100 тысяч трупов. Санкт-Петербург станет известен как «город, построенный на костях».

В 1712 году в качестве решительного шага против презируемого московского прошлого Петр делает Санкт-Петербург столицей России. В течение следующих двух столетий с небольшим именно здесь будут происходить наиболее важные политические события. Москва, Рига, Екатеринбург и все остальные города и обширные губернии Российской империи также будут играть заметную роль, и их историей нельзя пренебрегать, однако именно Санкт-Петербург станет горнилом обеих революций. История 1917 года с ее долгим прологом — это прежде всего история его улиц.

Россия, где слились европейские и восточнославянские традиции, долгое время формировалась не так, как Западная Европа. Один из главных героев 1917 года, Лев Троцкий, писал: «В то время как западные варвары поселились на развалинах римской культуры... славяне Востока не нашли никакого наследства на безотрадной равнине». На протяжении веков чередой князей и царей торгуют и ведут войны с кочевниками восточных степей, с монголами и с Византией. В XVI веке царь Иван IV, вошедший в историю как Грозный, прорубив кровавый путь через территории на востоке и на севере, становится «царем всея Руси», правителем громадной и разнородной империи. Он связывает Московское государство властью безжалостного самодержавия. Несмотря на жестокие методы правления, здесь периодически вспыхивают бунты и мятежи — как всегда и повсюду. Некоторые (например, Пугачевское казацко-крестьянское восстание в XVIII веке) — вызов власти со стороны низов. Кровопролитные восстания столь же кроваво подавляются.

После того как Иван Грозный отходит к праотцам, начинается династическая свистопляска, которая продолжается до тех пор, пока бояре и православное духовенство не избирают в 1613 году на царство Михаила Романова, положив тем самым начало династии, правившей до 1917 года. В этом столетии статус мужика, русского крестьянина, жестко вписан в систему

феодалного крепостничества. Крепостные прикрепляются к земле, владелец которой осуществляет почти неограниченную власть над «своими» крестьянами. Крепостного можно было перевести в другое имение, при этом его личное имущество, а также и семья могли оставаться у первоначального владельца.

Это жестокий и весьма живучий институт. Крепостное право сохраняется в России и в XIX веке, когда Европа уже отказалась от него. Историй невероятных притеснений крестьян не счесть. «Модернисты»-западники считают крепостное право позорным тормозом прогресса, а их оппоненты из числа «славянофилов» осуждают этот институт как западное изобретение. С тем, что с крепостничеством следует покончить, согласны и те и другие.

Наконец в 1861 году Александр II, «царь-освободитель», отменяет зависимость крепостных от землевладельцев; крестьяне перестают быть собственностью. Хотя реформаторы в России издавна осуждали жестокое обращение с крепостными, вовсе не добросердечие подвигает их на перемены. На самом деле решающим фактором становится обеспокоенность волной крестьянских волнений и бунтов, и именно они потребовали срочного решения.

Сельское хозяйство и промышленность находятся в застое. Крымская война 1853–1856 годов с Британией и Францией вскрыла порочность старых порядков, поражение унижает страну. Насущная необходимость модернизации и либерализации Российской империи

становится очевидной. Именно так рождаются «Великие реформы» Александра II, которые означали радикальные изменения в армии, образовании, судебной системе, ослабление цензуры, передачу части власти органам местного самоуправления. Но ключевой элемент преобразований — отмена крепостного права.

Однако освобождение крестьян весьма неполно. Выходящие из крепостной зависимости крестьяне получают не всю ту землю, где раньше работали, а та, что они получили, обременена абсурдными «выкупными платежами». Надел средней величины слишком мал для пропитания крестьянской семьи (поэтому крестьяне периодически голодают), и его размеры сокращаются по мере роста населения. Крестьяне по-прежнему остаются ущемленными в правах. Теперь они привязаны к деревенской общине, миру, однако нищета вынуждает их к сезонному труду, как легальному, так и нет, на различных строительных работах, в шахтах, в промышленности и в торговле. Так они переплетаются с немногочисленным, но постоянно растущим рабочим классом.

Не только цари мечтают о процветающих царствах. Как и все измученные люди, русские крестьяне представляют себе спокойные утопические страны. Беловодье; Опоньское царство на краю света; подземная земля Чуди; Золотые острова; Река Дарья; Город Игната; Ореховая земля; невидимый град Китеж, не умирающий под покровом озера Светлояр. Иногда очарованные странники пускаются на реальные поиски тех или иных

из этих чудных земель, но крестьяне предпочитают достигать мечты иначе: в конце XIX века по всей России прокатывается волна крестьянских выступлений.

Вдохновленное свободомыслящими писателями — Александром Герценом, Михаилом Бакуниним, язвительным Николаем Чернышевским — появляется движение народников, радетелей за народ. Общества народников, такие как «Земля и воля», состоят в основном из людей нового общественного слоя, самоопределившихся, квазимессиански несших культуру и идеи Просвещения, интеллигенции, в которой постоянно увеличивается доля выходцев из простонародья.

«Человек будущего в России — мужик», — утверждает Александр Герцен в начале 1850-х годов. Историческое развитие страны идет медленно, скольконибудь значимого либерального движения незаметно, и народники не обращают внимания на города, стремясь к крестьянской революции. В российской крестьянской общине, «мире», они видят зачаток, основу аграрного социализма. Мечтая воплотить в жизнь свои надежды, тысячи молодых радикалов идут «в народ», чтобы учиться у крестьянства, трудиться вместе с ним, повышать сознательность этого недоверчивого класса.

Горькая ирония: когда народников в массовом порядке арестовывают, нередко это происходит по просьбе самих же крестьян.

Один из деятелей народничества, Андрей Желябов, делает следующий вывод: «История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать». Некоторые из народников

склоняются к более насильственным методам, чтобы ускорить ход истории.

В 1878 году Вера Засулич, радикально настроенная молодая студентка из обедневшей дворянской семьи, серьезно ранит из револьвера петербургского градоначальника Федора Трепова, которого многие российские активисты и интеллигенты ненавидят за то, что он приказал выпороть не проявившего к нему должного почтения заключенного. Суд присяжных наносит неожиданный удар режиму, оправдав Засулич, которая после своего освобождения бежит в Швейцарию.

В следующем году в результате раскола общества «Земля и воля» появляется новая организация — «Народная воля», уже более радикальная. Входящие в нее ячейки верят в необходимость революционного насилия и готовы действовать соответствующим образом. В 1881 году после нескольких неудачных покушений они добиваются желанной цели.

В первое воскресенье марта царь Александр II направляется в Санкт-Петербургский манеж. Из уличной толпы молодой член «Народной воли» Николай Рысаков бросает в царскую карету, защищенную от пуль, завернутую в платок бомбу. Оглушительный взрыв потрясает воздух. Под крики раненых зевак карета дернулась и остановилась. Александр II, пошатываясь, выходит; вокруг царит хаос. Пока он раздумывает, что делать, товарищ Рысакова, Игнатий Гриневицкий, выступает вперед и бросает вторую бомбу, крикнув при этом: «Еще слава ли Богу?..»

Гремит еще один мощный взрыв. «Среди снега, мусора и крови, — вспоминал впоследствии кто-то из царской свиты, — виднелись остатки изорванной одежды, эполет, сабель и кровавые куски человеческого мяса». «Царь-освободитель» смертельно ранен.

Победа радикалов оказалась пирровой. Новый царь, Александр III, более консервативный и не менее авторитарный, чем его отец, развязывает жестокие репрессии. Он разгромил «Народную волю», казнив многих ее членов. Он реорганизует политическую полицию, пресловутую охранку, известную своими жесткими методами. В условиях наступившей реакции происходят организованные властями беспорядки, известные как «еврейские погромы». Евреи в России представляли собой жестоко угнетенное меньшинство. Они серьезно поражены в правах; им разрешается проживать только в пределах Черты оседлости на Украине, в Польше, в западной части Российской империи и в нескольких других районах (хотя допускались и некоторые исключения). Евреи уже давно становились козлами отпущения при возникновении в стране кризисных обстоятельств, да и в другие времена тоже. Теперь те, кто обвинял их во всем подряд, винят их в смерти царя.

Не смирившиеся народники планируют новые террористические акты. В марте 1887 года полиция Санкт-Петербурга раскрывает заговор с подготовкой покушения на жизнь нового царя. Повешены пять зачинщиков из числа студентов, в том числе сын инспектора

народных училищ в Поволжье, яркий, преданный революционному делу молодой человек — Александр Ульянов.

В 1901 году, через семь лет после смерти (по естественным причинам) жестокого и властного Александра III и восшествия на трон его сына и верного продолжателя Николая II, несколько народнических организаций объединяются на немарксистской (хотя некоторые из их членов считали себя марксистами) аграрной социалистической платформе, фокусирующей внимание на особенностях развития России и на крестьянском вопросе. Они назвались Партией социалистов-революционеров, или, как их чаще упоминали, эсеров. Партия сохраняет установку на насильственное сопротивление. Вскоре вооруженное крыло эсеров, их Боевая организация, без колебаний осуществляет серию убийств государственных деятелей, что даже сторонники эсеров называют терроризмом.

По злой иронии одного из руководителей эсеров, незаурядного партийного лидера Евно Азефа, который несколько лет руководил деятельностью Боевой организации, через десяток лет разоблачают как тайного агента охранки, что становится сокрушительным ударом по организации. А спустя несколько лет, в переломные моменты революционного 1917 года, другие два лидера эсеров, Екатерина Брешко-Брешковская и главный теоретик партии Виктор Чернов, станут заметными фигурами, озабоченными защитой порядка.

В последние годы XIX века государство выделяет существенные средства на развитие инфраструктуры и промышленности, в том числе на реализацию масштабной программы строительства железных дорог. Многочисленные строительные бригады прокладывают железнодорожные пути через всю страну, объединяя обширные пространства империи. Строится, в частности, Транссибирская железнодорожная магистраль. «Со времени появления Великой Китайской стены мир еще не видел строительства подобного масштаба», — не скрывает своего восхищения сэр Генри Норман, британский свидетель строек. Николай II считает создание этого транзитного маршрута между Европой и Восточной Азией своим «священным долгом».

Стремительно растет численность городского населения России. Идет приток иностранного капитала в страну. В районе Санкт-Петербурга, Москвы, на Донбассе возникают крупные промышленные зоны. В ситуации, когда тысячи рабочих стремятся выжить, трудясь в бесчеловечных условиях на заводах и фабриках при снисходительном патернализме хозяев, первые робкие шаги делает рабочее движение. В 1883 году молодой Георгий Плеханов, позднее основной теоретик социализма в России, вместе с легендарной Верой Засулич основывает в Женеве первую российскую марксистскую организацию, «Освобождение труда».

Вслед за этим появляется все больше кружков, в которых читают революционную литературу, агитационных ячеек, сообществ единомышленников, протестующих против безжалостного мира капитала, его эксплуататорской сущности, против подчинения всего прибыли. Будущее, к которому стремятся марксисты (коммунизм), их противникам представляется таким же абсурдом, как, к примеру, созданная воображением крестьян сказочная страна Беловодье. Это не всегда четко определяется, но они знают, что в будущем не будет места частной собственности и связанному с ней насилию, эксплуатации и отчуждению, современные технологии сократят время и интенсивность человеческого труда, будут созданы все условия для расцвета человечества. По утверждению Карла Маркса, «при коммунизме... начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы». Вот чего хотят марксисты.

Марксисты представляют собой компанию эмигрантов, ученых и рабочих, стоящих вне закона, связанных семейными, дружескими и интеллектуальными, политическими узами и постоянно полемизирующих. Среди них сплетаются клубки противоречий, каждый знает каждого.

В 1895 году в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске создаются «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». В столице России основателями этой организации становятся молодые марксисты Юлий Цедербаум и его друг Владимир Ульянов, брат Александра Ульянова, студента-народника,

казненного восемь лет назад. В то время принято брать политические псевдонимы, поэтому Цедербаум, младший из двух, с тощей фигурой, жидкой бородкой и в пенсне, называет себя Мартовым. Владимир Ульянов, бойкий, преждевременно лысеющий молодой человек с запоминающимся прищуром, становится известен как Ленин.

Мартову, русскому еврею, родившемуся в Константинополе, в это время двадцать два года. По выражению одного из оппонентов по левому лагерю, это «довольно очаровательный представитель богемы... со склонностями завсегдатая кафе, безразличный к комфорту, постоянно спорящий и слегка эксцентричный». Слабый и постоянно кашляющий, весьма подвижный, разговорчивый, но безнадёжный как оратор, впрочем, и как организатор был не лучше, но способный произвести сильное впечатление, Мартов в первые времена пробуждения рабочего движения представляет собой образчик рассеянного, погруженного в свои мысли интеллектуала. Но это замечательный ум. И хотя его действия пока не простираются дальше межфракционных сражений, типичных для формирующихся политических движений, даже противники признают его честность и искренность. Многие его уважают. И даже любят.

Что же касается Ленина — все, кто его видит впервые, буквально заворожены им. Кажется, никто из встречавшихся с ним не мог удержаться, чтобы о нем не написать: из подобных книг можно составить целую

библиотеку. Его с легкостью мифологизируют, боготворят, демонизируют. Для своих врагов он хладнокровный монстр, массовый убийца, для восторженных поклонников — богоподобный гений, для товарищей и друзей — застенчивый, смешливый любитель детей и кошек. Склонный к выстраиванию четких фраз и использованию несколько неуклюжих метафор, он скорее автор доступных текстов, чем искрометный художник слова. Однако его работы и выступления околдовывают, даже затягивают своей поразительной плотностью и целеустремленностью. На протяжении всей жизни Ленина противники и соратники будут резко критиковать его за суровость действий, непоколебимость и беспощадность. При этом все будут единогласны в том, что он обладает выдающейся силой воли. Ленинская страсть и самопожертвование выделяются даже на фоне тех, кто живет политикой и умирает за нее.

Его отличает прежде всего обостренное чувство политического момента, способность увидеть перелом ситуации и тенденцию развития. Луначарский, его соратник, отмечал, что «Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом, и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии».

Не то чтобы Ленин никогда не ошибается. Он, однако, обладает развитым чувством того, когда и где следует подтолкнуть события, как именно и с какой силой это сделать.